

ИЗБРАННОЕ: СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ. ПЕРЕВОДЫ

Переводы ТАРКОВСКОГО АРСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Саят-Нова (1712–1795)

«Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков...»

Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков,
Брови — начерчены пером, лицо — золотой покров,
Краше уста — на горе всем — и лалов и жемчугов,
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Роза изменит — счастлив червь, терзается соловей.
Каждого бог казнит, кого полюбишь меня сильней.
Два бесконечных года я томлюсь по красе твоей.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Розы пурпурной нет в саду — не слышно там соловья.
В сердце ты ранила меня, терзаюсь, жар затая,
Я захворал любовью, лег, — смертельна болезнь моя.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Где ты, Лейли? Я, как Меджнун, брожу в горах без дорог,
Нет мне лекарств от моей любви. Я стражду, я одинок.

Яр, я одну тебя люблю и жажду, свидетель бог,
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Рад лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

— Злая, — сказал Саят-Нова, — глаза у меня в крови.
Правнучка Евы, дочь людей, — проклятье моей любви!
Клятву дала мне на тридцать лет — и лживы слова твои.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Рад лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

«Я ждал, я пролил столько слез...»

Я ждал, я пролил столько слез,
Я в добрый час увидел милую.
Меня встречаешь, роза роз,
Шипами,
Шипами, —
Я в добрый час увидел милую.

Приди, пойми печаль мою,
Я муки смертные таю,
Горю любовью, слезы лью
Ночами,
Ночами, —
Я в добрый час увидел милую.

Наденешь пурпурный атлас —
Погубишь мир, отрада глаз,

Тебе пристали б лал, алмаз
Рядами,
Рядами, —
Я в добрый час увидел милую.

У саза¹ нет иных забот,
Твои красоты он поет.
В саду ты водишь хоровод
С друзьями,
С друзьями, —
Я в добрый час увидел милую.

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — фиал златой.
Да не глумится недруг злой
Над нами,
Над нами, —
Я в добрый час увидел милую.

«Какую ты преследовала цель...»

Какую ты преследовала цель,
Когда в тот миг твои уста молчали.
Я болен, джан. Твои глаза — ужель
Моих кровавых слез не замечали.

Приди. Взгляни. Метни в меня копье.
Я подставляю грудь под острие.

¹ Саз — музыкальный инструмент.

Скажи, зачем, сокровище мое,
Конец любви пришел в ее начале.

Джан, отзовись на мой протяжный стон.
Ты выжимаешь сердце, как лимон.
Я на позор тобою обречен, —
Когда певцу бесчестие прощали?

В моем краю мелькнула джан, как тень.
Не оживет застреленный олень.
Без добрых дел проходит долгий день,
Я по твоей вине томлюсь в печали.

Саят-Нова сказал: я на свечу
Как бабочка влюбленная лечу,
Сгореть в уединении хочу,
Чтоб искры джан мою не обжигали.

«Весть пришла от джан прелестной:

«Ни приветам, — говорит...»»

Весть пришла от джан прелестной: «Ни приветам, —
говорит,
Ни слезам его не внемлю, ни обетам», — говорит.
О моих сердечных тайнах с целым светом говорит,
«Все равно мне, что случится с тем поэтом», — говорит.

Брови джан — тугие луки, а ресницы — стрел длинней.
Вдалеке она гуляет, с милой встретиться не смей.
Эй, друзья, кто горе мыкал! Что вы скажете о ней.
Молвишь: «Здравствуй!» — отвернется, —

«Что мне в этом», — говорит.

Соловей безумный, стражду: в тяжких ранах грудь певца.

В мире этом у красавиц беспощадные сердца.

Твой Саят-Нова погибнет, но до смертного конца

Он твоим любимым станет! «Нет уж, где там!» — говорит.

«С поникшей головой, в цепях...»

С поникшей головой, в цепях —

Я пленник твой, любовь моя.

У ног твоих лежу. Я прах.

Я пленник твой, любовь моя.

Ты свет у солнца отняла,

Твой луч — горячая стрела.

Сгорят мои глаза дотла,

Я пленник твой, любовь моя.

Я ранен, я умру в бреду,

С ума сойду, с ума сойду,

В твоих цепях к тебе приду,

Я пленник твой, любовь моя.

Молю, скиталец-соловей:

О, пригвозди меня скорей

У закрытых твоих дверей,

Я пленник твой, любовь моя.

Ты роза роз, а я трава.

Смотри: я мертв, а ты жива.
Клянусь, поет Саят-Нова,
Я пленник твой, любовь моя!

Ованес Туманян (1869–1923)

Ничто не вечно на земле (*Старинное предание*)

Случились ли, нет ли события эти
И так ли все было — кто даст нам ответ,
Когда только то достоверно на свете,
Что здесь ничего достоверного нет.
Так вот, говорят, жил крестьянин когда-то,
Был нищ, да разумного сына имел
И отдал его в услуженье за плату —
Такой уж им выпал обоим удел.

Шло время. Подросток без лишнего слова
Все делал, что скажут, был честен и прям;
И стал он хозяину ближе родного,
И хлеб уже тот с ним делил пополам.
В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, как ты, сынок? Уж не то, что в селе?
Уж не голодаешь ли, недосыпаешь?
— Живу хорошо, ты и сам примечаешь,
Но только не вечно ничто на земле.

Года то летели, то шли понемногу,

И сын, ни минуты не тративший зря,
Уже не был чужд золотому чертогу —
Слугой у великого стал он царя.
В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, как ты, сынок? У тебя на столе
Довольно ли яств, всех ли благ удостоен?
— Отец, я в довольстве живу, будь спокоен,
Но только... Не вечно ничто на земле.

В дорогу отец снарядился. Шло время,
И царь был доволен слугою своим,
И разум его возвеличил над всеми,
И первым был царь, а слуга стал вторым.
В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, сын мой, ты в детстве копался в золе,
Теперь высоко ты вознесся над миром!
— Да, так, мой отец. Вот и стал я назиром²,
Но только не вечно ничто на земле.

Шло время. Правитель страны справедливый
Нежданно-негаданно умер, и вот
Наследника нет, и престол сиротливый
Пустует, защиты взыскует народ.
Вельможи тогда собрались для совета,
И властью, которую дал им закон,

² Назир — верховный надзиратель при дворе царя.

Торжественно, в царственный пурпур одетый,
Был мудрый назир на престол возведен.

Прослышал крестьянин, что сын на престоле.

Пришел он, покинув родимое поле,
И молвил: — Мой сын, у тебя на челе
Величья печать, ты в почете и в славе!
— Отец мой, и вправду я — первый в державе,
Но только не вечно ничто на земле.

Крестьянин в село возвратился. Шло время,

И царь молодой, не жалеючи сил,
Державу растил, нес тяжелое бремя
Суда: этих миловал, тех он казнил.
Но будь у тебя и пошире владенья,
Ты в мире оставишь все без исключения.
Вот так и наш царь: слег и больше не встал,
И душу вернул вседержителю вскоре.

Отец его горькую весть услышал,
В столицу пошел, а в столице-то горе,
В столице — стенанья, да слезы, да крик...

Стоит в стороне и горюет старик.
Войска со знаменами движутся стройно,
Царя всем народом хоронят достойно,
А после, могиле доверив царя,
Расходятся все, про свое говоря.

Шло время. Горючие слезы глотая,
К могиле старик припадал. Как во мгле

На мраморе царственном вязь золотая
Виднелась: «Не вечно ничто на земле».

Ушел и отец навсегда. Мирозданье
Вращается мерно; своим чередом
Проходят века, но доныне сказанье
«Не вечно ничто на земле» мы поем.
Надгробия царского нет и в помине,
И стала столица безлюдной пустыней,
А ты в этом мире, как всадник в седле,
Но помни: не вечно ничто на земле.

Егише Чаренц (1897–1937)

Скитальцы на млечном пути

И так мы живем, что нельзя нам не жить.

Фет

Два бездомных скитальца на Млечном Пути,
Два скитальца в изодранной ветхой одежде,
Бремя наших скорбей мы привыкли нести,
Доверяясь неясной мечте и надежде.
Полюбили мы сердца случайный порыв
И видения в пору вседневных скитаний
И, в бессонных глазах навсегда сохранив
Многозвездное небо в блаженном тумане,
Мы проходим теперь по дорогам Земли,
Сны покинувших Землю приняв как наследство,
И растаяло облачком серым вдали
Наше смутное и безотрадное детство.

Расточилось, растаяло детство, как бред,
Мы домой не вернемся, мы долго блуждали,
И попятной дороги на свете нам нет,
Потому что нам грезятся дальние дали,
И теперь нам единственный свет бытия —
Беспрерывные, вечные поиски цели,
Многоцветные мы исходили края,
И сердца наши страстью, как жертва, горели.
Но глаза не увидели солнц золотых,
И сердца наши светлой не встретили дали,
И глаза неотступно в глазах у других
Златотканое звездное небо искали,
Млечный Путь, беспредельную даль — и светил
Торжество, и пространства сиянье благое.
Взор безжизненных глаз наши души студил,
Пламя сердца гасил равнодушной золою,
Преисполнилось сердце мое, и хвалу
Небесам вознести я желал, и не знаю,
Почему я пою про докучную мглу
Дней моих, заплутавших в томленье без края.
Опочило сказанье на дне моих глаз
О блаженстве в кругу синевы без предела,
О взаимовлияниях звездных рассказ,
И бесплодное сердце мое затвердело.
Нас не понял никто, и смешило людей
Наших пристальных глаз голубое свечение,
И глумились над пламенем наших страстей,
Уходили, душе не даря утешенья.
И со смехом от нас отвернулась родня,
С нами только блудницы делили печали,

И разумные нас обходили, браня,
Лишь безумцы вполголоса нас привечали.
Не беда, что в безумье мы дни провели
И что мы задыхаемся, будто в дурмане.
Озаренные светом высоких мечтаний,
Мы покинем — счастливые — лоно Земли.

«Я затосковал, больной и безумный...»

Я затосковал, больной и безумный,
По солнцу, измученный этой сквозной
Ночной немотой, этой ртутной, бесшумной,
Бестрепетной мглой под бледной луной.

О, как я желал, чтобы солнечный зной
Луну победил и расправил мне плечи,
И чудо высокое утренней речи
В лучах и сиянье возшло надо мной!

Но в мертвенной мгле недужной печали
Не брезжило утро, слова не звучали.

«И для меня прервется путь земной...»

И для меня прервется путь земной,
Когда-нибудь глаза и мне закроют,
Забудут песни, сложенные мной,
И в землю плодородную зароят.

И так же будет солнце бытия
Для нив и роц творить благодеянья,
И не поверит даже мать моя

В недолгое мое существованье.

И каждая простится мне вина,
И я сольюсь, растаяв легким дымом,
С преданием, как наши времена,
Величественным и неповторимым.

Бессонница

И мчатся, и мчатся, и мчатся кони.
Я слышу подковы и крики погони.
Бездонная ночь и неведомый путь,
И цокот подков о земную грудь...
И мчатся, и мчатся, и мчатся кони,
То ближе, то дальше крики погони,
И цокот подков — у меня в висках.
Как жизнь и как смерть — этот мир впотьмах.

Газелла

Невозвратное вешнее утро, сирень
я призываю,
Сердцу близкую и дорогую тень
я призываю.
Золотой, обжигающий, яркий зной,
согрей мне душу!
Лета быстротекущего долгий день
я призываю.
Где пора созревания земных плодов?
На помощь, осень!
Где ты? Желтой листвою меня одень! —
Я призываю.

Все ушли от меня, я теперь один,
сердце тоскует.
Мирный сон у огня, краткий день и лень,
я призываю.
И приносит старуха о смерти весть.
Тень дорогую,
На последнюю, мерзлую став ступень,
я призываю.

Газелла моей матери

Я помню свет твоего лица, моя бесценная мать,
Морщины, будто следы резца, моя бесценная мать.

Тихонько сидишь, сидишь, молчишь,
и старый ветвистый тут³
Тень кладет на ступени крыльца, моя бесценная мать.

Вспомнила сына, а где твой сын?
Нет сына, пропал и след.
Дети уходят, горят сердца, моя бесценная мать.

Сердца горят. Он жив или мертв?
В какую стучится дверь?
Где сын? Ни слуха, ни письмеца, моя бесценная мать.

Измучит жизнь, обманет любовь, и кто утешит его,
Во мгле бредущего беглеца, моя бесценная мать?

³ Тут — тутовое дерево, шелковица.

Укачивает зеленый тут печаль немую твою
В сонной тени своего венца, моя бесценная мать.

На старые руки — по одной — тихонько бегут, бегут
Соленые слезы без конца, моя бесценная мать.

«Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня...»

Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня —
всё для тебя,
Сколько света и счастья ни есть у меня —
всё для тебя,
Пусть не хватит огня для меня, всё отдам,
только бы ты
Не озябла на холоде зимнего дня.
Всё для тебя.

«Я хочу, чтоб зурна мне пела...»

Я хочу, чтоб зурна мне пела,
чтоб вино я пил до утра,
Перед каждым открыл бы душу,
всем бы другом был до утра,
Прокатился б на фаэтоне
под окном высоким твоим,
О любви бы молил и плакал
из последних сил до утра.
Я бы разум ветрам доверил,
в каждый погребок заглянул,
Для друзей бы в хлеб превратился,

лил вино из жил до утра,
Головой бы своей горячей
к дорогим коленам приник, —
Во хмелю твой сладчайший образ
всю бы ночь хвалил до утра.

«Я — пьяный духанщик. А где духан?..»

Я — пьяный духанщик. А где духан?

Ни вина, ни духана нет.

Мой стол опустел, и гости ушли,
ни султана, ни хана нет.

Где прежние силы? Где голос мой?

Я напевы рая дарил
Твоей красоте, и сил теперь
у согбенного стана нет.

Я — ветер бездомный, — все растерял,
ничего не хочу вернуть.

Индийский обрушился океан:
мне любовь преградила путь.
Народу слуга, как Саят-Нова,
всем клинкам я подставил грудь,
Я жажду велений твоих, и мне
иного фирмана нет.

Я — пьяный духанщик. А где духан?

Ни вина, ни духана нет.

Я славил бы славу твою, но сил
у согбенного стана нет.

«Весна приходит, и опять цветет шиповник...»

Весна приходит, и опять цветет шиповник.
В глазах влюбленных образ милый пребудет вечно.
Пройдут года, и жизнь пройдет, но слез виновник —
Звон соловьев сереброкрылый пребудет вечно.

Другие соловьи засвищут в саду весною,
Другой ашуг прославит в песнях житье земное,
Он за меня споет, что было не спето мною.
Дни — дым, но круг времен и был и — пребудет вечно.

И сотни сотен раз из глаз прольются слезы,
И чаши сотни сотен раз раскроют розы,
И сердце сотни сотен раз пронзят занозы,
И кровь, и сердца пепел стылый пребудет вечно.

И снова будет ладан плыть, благоухая,
И голову клонить цветок родного края.
Из глаз прекрасных упадет слеза живая
И на плите моей могилы пребудет вечно.

«Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять...»

Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять.
Ты видела иго чуждых стран — и увидишь опять.
Ты видала сжатый урожай кровопролитных войн,
Неубранный хлеб, глухой бурьян — и увидишь опять.
Подобно изгнаннику, боль обид видела на пути;

И ветер сухой, и ураган — и увидишь опять.
Где Нарекац'и? Где Шнорал'и? Где Наг'аш Овнат'ан?⁴
Ты видела мудрых славный стан — и увидишь опять.
Армения, твой Чаренц как дар взял язык у тебя.
Ты видела многих певцов-армян — и увидишь опять.

Из цикла «Восьмистишия солнцу»
«Как бедра женщины, рожденной...»

Как бедра женщины, рожденной
Сводить с ума, сжигать, гореть,
К своей стихии раскаленной
Притягивает солнца медь.
И кони дико ржут во власти
Огня, траву полей топча,
И стонут женщины от страсти,
И ловят смех его луча.

«Звонят подковы золотые...»

Звонят подковы золотые:
Табун коней на солнце ржет.
Бесстыдно девушки нагие

⁴ Нарекаци Григор (951—1003) — армянский поэт, автор религиозных песнопений и гимнов, выдающийся знаток церковной литературы; основное сочинение «Книга скорбных песен».

Шнорали Мерсес (1102—1173) — армянский писатель, автор многих публицистических статей, религиозных песнопений, стихов, в 1166 г. избранный армянским католикосом. Особенно известны его стихи на светские темы.

Овнатан Нагаш (1661—1722) — армянский поэт и художник-миниатюрист; в начале XVIII в. был приглашен в Тифлис ко двору грузинского царя Вахтанга VI. Его любовные и сатирические стихотворения по языку и мотивам близки народной лирике.

Целуют солнца рдяный рот.
Уже воспалены их губы —
Целуют, словно, жизнь губя,
Погаснет жар, святой и грубый.
Приди, я так хочу тебя!..

«Прекрасное горит, сжигая...»

Прекрасное горит, сжигая,
Горит, живому жизнь даря,
Твоя вселенная живая.
Пока ты жив — сжигай, горя.
Сгорев, остынь, зола седая.
И лучше душу сжечь не зря,
Чем тлеть, чадая и не сгорая.
Пока ты жив — сжигай, горя!

Триолет

Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.
Когда не хочешь ты в трясине потонуть, —
Ты должен жизнь любить и славить Землю нашу.
И чашу грусти пить, как пьешь веселья чашу.
Не лей напрасных слез и жалобы забудь.
Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.

«Сегодня ли тебя найдет судьба...»

Сегодня ли тебя найдет судьба,
И ты глаза закроешь, холодея,
Не жалуйся на смерть: она слаба

Перед душой бессмертною твоею.
Взаимы дала природа много сил
Душе твоей, пылающей, как пламя,
И ты сторицей долг ей заплатил —
Мечтами, думами, стихами.

Моя утренняя звезда

Рано-рано проснись поутру,
Чуть рассвет затеплится — встань
И увидишь звезды голубой игру,
Осиявшей раннюю рань.

Так же имя твое в былом
Засияло, Чаренц, светло.
Что за бездна его поглотила потом?
Что звезду с высоты свело?

Нет, не солнца горячий луч
В ранний час погасил звезду.
До зари еще темное воинство туч
Поднялось тебе, на беду.

И звезда погасла во мгле,
Закатилась в бездонный провал.
Жажда песни томила сердца на земле,
Но Парнас —
Без тебя ликовал.

Ованес Шираз (р. 1914)

Из поэмы «Сиамант'о и Хаджезарэ»

*Пока выпадает роса на цветы —
Любуешься блеском земной красоты.
Пока по горам пробегает лань —
За нею, охотник, стремишься ты.*

Вступление

Народа светлая душа открылась до глубин,
И я любовно зачерпнул живой воды кувшин.

Я на созвездья в эту ночь возвел глаза свои,
И сердце юное мое проснулось для любви.

Казалось, от высоких звезд пахнуло ветерком.
Хаджезарэ, Сиаманто ко мне пришли тайком.

Стон их страдальческой любви мне в грудь стрелой проник,
И замутила соль их слез моих стихов родник.

Они смотрели мне в глаза из тьмы былых времен,
И был отчаянием их мой разум опален.

Я повесть горестной любви прочел в глазах у них,
Сиаманто, Хаджезарэ оплакивает стих.

Как будто я свою любовь, тоскуя, схоронил
И на тернистую тропу в глухую ночь вступил.

И мнится: армянин-чабан во сне, в такую ночь,
На склоне горном повстречал курдянку, бека дочь.

И был их тайный поцелуй, как ветерок, несмел,
Да только тернии одни достались им в удел.

Подобно каплям дождевым в пустыне, без следа,
Они, сердец не утолив, исчезли навсегда.

А ну-ка, девушки, за мной! На розыски пойдем
Путем стиха, путем любви — сверкающим путем!

Песни

«Ты, заветный мой родник!...»

«Ты, заветный мой родник!
Ты, приветный мой родник!
О, когда б к моей подушке
Мой возлюбленный приник!
Не по сердцу мне старик!
Пусть горит в огне старик!
Не седого —
 молодого
Приведи мне, джан-родник!»

«Полдневого солнца луч...»

«Полдневого солнца луч
Дрожит в роднике.
Желанный, приди, не мучь!

Сгораю в тоске.

Возлюбленный мой, явись!

Приди хоть на миг!

Уста мои запеклись,

А ты — как родник.

Мой сокол, моя беда,

Приблизься ко мне!

Во сне ты со мной всегда,

Всегда во сне!»

«Ты девушкой была во сне...»

«Ты девушкой была во сне,

На скалы ты звала во сне,

Ты ланью резвою была

И в плен меня взяла во сне.

Я ото сна восстал во сне,

Тебя я обнимал во сне,

Поцеловал тебя средь скал.

Мне сон судьбою стал во сне».

«У студеного ключа...»

У студеного ключа

Никнет яблонька, шепча:

«Ах, любви хмельная влага

И сладка, и горяча!

Ты обет ключу дала,

Косы туго заплела.
Хвать-похватъ — свирель пастушья
Сердце в горы увела».

«Слышен сердца страстный стук...»

«Слышен сердца страстный стук.
Грудь моя — прекрасный луг.
Полно спать на твердом камне.
Приходи, несчастный друг!»

«О белоснежные мои...»

«О белоснежные мои,
Ягнята нежные мои,
Скитальца ждете вы со мной,
О неутешные мои!

Родная ванская волна,
Седая ванская волна,
Скитальца ты со мною ждешь,
Рыдая, ванская волна.

Моя нагорная тропа,
Крутая, торная тропа,
Скитальца ты со мною ждешь,
От горя черная тропа.

И ты, высокий мой Сипан,
Каменнобокий мой Сипан,
Со мною ты скитальца ждешь,

Туманноокий мой Сипан.

Вспоивший лозы, мой родник,
Взрастивший розы, мой родник,
Со мною ты скитальца ждешь
И точишь слезы, мой родник...»

«Там, в родимой стороне...»

«Там, в родимой стороне,
Розы дышат в сладком сне.
Мне весна зимы не краше,
Я не радуюсь весне.

Нет горы моей родной,
Нет овец моих со мной,
Нет со мной моей любимой,
Больше нет весны весной».

«Есть много путей. Все земные пути...»

«Есть много путей. Все земные пути
Приводят куда-нибудь.
А мне, скитальцу, куда идти?
Кто мне укажет путь?

Где счастье мое, на пути каком?
Созвездья, скажите мне!
Я гибну без милой в краю чужом,
Сердце мое в огне».

«Ветер летучий...»

«Ветер летучий,
Дай крылья коню!
Птицы и тучи,
Я вас догоню!
Дай мне дорогу,
О, каменный край!
Скалами лога
Не преграждай!
Еду за милой
Врагам на беду
Или могилу
Себе найду».

«О люди, скажите, кто видел из вас...»

«О люди, скажите, кто видел из вас
Глаза, что я так люблю?
Я кинусь в пучину любимых глаз,
Тоску свою утолю».

«Льются вина, длится пир...»

«Льются вина, длится пир,
Беку мир принадлежит.
Как ягненок, рабский мир
У него в ногах лежит».

«Дочка бека, брось стыдиться...»

«Дочка бека, брось стыдиться,
Выйди, выйди, песню спой!

Молодица —
Смуглолица,
Точно персик золотой.
Песню спой за чашей пенной!
Твой жених — Азиз бесценный.
Между беков — бек Азиз,
Как средь гор — гора Масис.
За тебя не даром дали
Ровно тысячу овец,
Меньше стоишь ты едва ли,
Пусть не ведает печали
Досточтимый твой отец!
Азиз-бека ты достойна.
Стан твой, точно тополь стройный.
Подойди и рядом стань!
Ты — звезда кочевий горных —
На веселье наше глянь!
Тысячу овец отборных
Молодая стоит лань!»

«Песня твоя семь печальных лет...»

Песня твоя семь печальных лет
У меня на устах.
Срезанной розы поблекший цвет
У меня на устах.
Если и вправду разбойник ты —
Увези меня.
Имя твое — слаще звука нет —
У меня на устах.

«Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь...»

«Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь, —

Я в себе не вольна.

Обручат, увезут меня в дальний путь, —

Я в судьбе не вольна.

Завтра будет уж поздно меня вернуть, —

Я в себе не вольна.

Станет черным замком брачный мой обет

У меня на устах».

«Зарех-бек обманул народ...»

«Зарех-бек обманул народ:

Вором честный чабан слывет.

Бек свою красавицу дочь

Пожелал обменять на скот.

Хочешь зятем зваться моим —

Заплати богатый калым.

Нет овец у Сиамант'о,

Нищ пастух и горем палим.

Пусть я черствому хлебу рад,

Я любовью, зато богат.

Иль не стоит моя любовь

Азиз-бековых тучных стад?»

«Я иду по тропе...»

«Я иду по тропе,

Любовь тая,

Словно в бреду.

Не узнаешь и ты,
О, тропа моя,
Куда иду.
Мой любимый придет
На страстный зов,
Встретит меня.
Я услышу сейчас
Серебро подков
Его коня».

«Опоясан отец твой цветным кушаком...»

«Опоясан отец твой цветным кушаком,
Мой отец с малолетства ходил босиком.
Как луна — та жена, что тебя родила,
Я от звездочки малой рожден бедняком.
Ты — садовый взлелеянный нежно цветок,
Я — суровый, пробившийся к свету росток,
Из-под мертвого камня к тебе я тянусь,
От огня твоего и красы изнемог».

«Побратим побратиму, как родник, говорит...»

«Побратим побратиму, как родник, говорит:
Утолю твою жажду, если жажда томит,
Если горе нагрянет и приблизится враг,
Побратим побратиму — меч надежный и щит!»

«Где ты, мой молодой орел?..»

«Где ты, мой молодой орел?
Ты куда от меня ушел?
Почему обманул меня,

Без подруги спустился в дол?

Ждал меня ты семь долгих лет,

А теперь мне защиты нет.

Только ночь ты провел со мной

И покинул меня чуть свет».

Заключение

Но в том ущелье роковом, едва весна придет,

Два мака скорбные цветут, как говорит народ.

Дотоле не было таких цветов среди лугов —

С сердечком траурным в венце кровавых лепестков.

Хаджезарэ — Сиаманто погибли в цвете лет,

Но в облике другом они явились вновь на свет.

Как яркий свадебный наряд, горят их лепестки,

А темные сердца таят следы былой тоски.

Должно быть, их недолгий век — печальной доли знак:

Едва дотронешься рукой, и облетает мак...

И тянется к цветку цветок. И, прежде чем опасть,

Спешит поведать, трепеща, свою любовь и страсть.

Амо Сагиян (р. 1915)

Синяя песня

Есть светло-синий мир воспоминаний,

Где горы в небо синее одеты,

И ноги у меня, как ноги неба,

И я стою в пустыне светло-синей

Один и одинок...

По лбу проходят
Светила синие, а на груди
Четыре ветра бьются в синей злобе
И с ярко-синим свистом пропадают
Неуследимо в синей пустоте.
Осаживаю синим свистом трепет
Тревожно-голубеющего сердца,
Но в трепете зыбучей высоты
От голубого головокруженья
Покачиваюсь...
Мирозданье снова
Переворачивается,
И снова дремлют надо мною горы,
И боги дремлют подле ног моих.

«Темнеют горы на горах...»

Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.
Темнеют горы на горах.
Воспел я отчий мир в стихах.
Я от камней зачат в камнях,
Мне в колыбели камни пели.
Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.

Осень в горах

Осень втягивается в лощины
Из ущелья сквозь просвет,

Осень цвета камня и глины,

И конца ущелью нет.

Инеем исчерчены склоны,

Холод твой — как моя печаль,

Вдоль ущелья мой вздох приглушенный

За тобою тянется вдаль.

Просветлел твой поток гремучий,

Камень сух под стопой твоей,

Твои оседлые тучи —

Кочевье седых камней.

На дальнем берегу

Товарищи по играм и забавам

Ведут меня на дальний берег свой;

Как Иисус, стою в тряпье кровавом,

Исхлестанный крапивой и лозой,

— Я вам не лгал, я был у птиц в неволе,

Я никогда не забывал друзей...—

Оправдываюсь и кричу от боли

И просыпаюсь в комнате моей.

Так жить

Пускай погаснет свет во взоре.

Но только бы слова, как сеть,

Держали мысль, и петь, и в хоре

Не онеметь, не онеметь.

Скатиться бы слезой пролитой,

Упасть бы птицею подбитой,
Но только бы в неволе быта
Душой не тлеть, душой не тлеть.

Пускай меня согнет работа,
Годам забот не будет счета,
Но только бы в часы полета
Не тяжелеть, не тяжелеть.

И жить веками, жить веками,
Сшибаться грудь о грудь с горами,
Дышать ветрами, встретить пламя,
Гореть, и крепнуть, и сгореть.

«Радуга животрепещущая...»

Радуга животрепещущая,
По ветвям выгибающаяся,
На дерево переселяется
Из моей красно-зеленой мечты.

Оравел⁵

Ушло в туман воспоминаний детство,
И луч его, как сказка, догорел,
Но принял я ваш оравел в наследство,
И сказку воскрешает оравел.

О, сколько раз для прямодушной песни

⁵ Оравел — песня пахаря.

Я покидал предел забот и дел,
Но нет напева чище и чудесней,
Чем ваш, землей пропахший, оравел.

И я, в ладу с судьбою, как другие,
Во славу жизни много песен спел,
Но с чем сравнить мне звуки дорогие
И отчий дух, проникший оравел?

Вы, мудрые отцы земли армянской,
Я жизнь отдам за гордый ваш удел.
Но как воспеть мне подвиг ваш гигантский
И ваш благословенный оравел.

«Пойду, затеряюсь в листве неживой...»

Пойду, затеряюсь в листве неживой
Лесов, обступивших осенние горы,
Забуду раздоры, укоры и ссоры,
К замшелому камню склонюсь головой,
Для птиц перелетных я сердце открою,
И стану я ухом лесной тишины,
И верно услышу дыхание живое
Под грудями листьев уснувшей весны.

«Твоими глазами, твоими глазами...»

Твоими глазами, твоими глазами
Себя самого я увидел во сне,
Себя проклинал я твоими устами,
И стыд покаянный забился во мне.

И я пожалел тебя тысячекратно,
И тысячекратно тебя я простил,
Мне было во сне самому непонятно,
Как вытерпеть сон мой хватило мне сил.

Проснулся — и понял: руками твоими,
Руками твоими убит я давно.
Один я, а мнится, что стал я двоими...
Но этого мне объяснить не дано.